

Эвридика в роли Орфея

Марина Цветаева.
Письма к Наталье Гайдукевич.
Русский путь. 2002.

Девичий караул у бюста
поэтессы.

Константин КЕДРОВ,
«Новые Известия»

О Марине Цветаевой принято говорить восторженно, с придыханием, в ее манере, всячески педалируя «трагическую судьбу». При этом мы часто забываем, что судьба любого человека, если ее проследить от рождения до финала, обязательно окажется трагической. Ведь жизнь, как с ней ни играй, как ее ни обыгрывай во всех мажорных регистрах, рано или поздно заканчивается смертью. А это трагично для каждого.

Марина Цветаева по природе своей из крепкого рода Цветаевых и могла бы дожить до мафусаиловых лет. Тому свидетельством — ее сестра Анастасия, которая радовала нас своим полнокровным творческим долголетием.

Принято считать, что трагический финал с петлей на шее целиком и полностью был предопределен тяжелой судьбой. Но судьба Анастасии не менее тяжела, и все же она, слава Богу, умерла во благовремении своей смертью. Марина Цветаева трагический финал своей жизни заранее программировала, как программировала она судьбу любимого по всем параметрам сына Мура, когда сказала, что Мур или станет Наполеоном, или погибнет добровольцем на фронте.

Невозможно поверить, что Марина Ивановна не знала, в какую страну она возвращается. Все знала — слишком была умна, талантлива, прозорлива. Она вернулась в ад, как Орфей «вернулся» за Эвридикой, с той разницей, что Эвридикой была она, а плененный адом Орфей — ее героический супруг.

Быть героем — значит, быть слепцом. Фанатично устремиться к великой цели, а в результате быть нагло использованным всеми спецслужбами в их сомнительных грязных целях. Цветаева культивировала героизм с детства. Портрет Орленка, сына Наполеона, из драмы Ростана заменял икону. На него она и молилась безбожно, как все поэты, нарушая заповедь «не сотвори себе кумира».

Цветаева всю жизнь творила кумиров. Хотел сказать «ложных кумиров», но кумиры всегда ложные, даже если они талантливы или гениальны.

Кумиру Эфрону была принесена в жертву и своя жизнь, и жизнь сына, и жизнь дочери, и жизнь сестры.

Влюбившись в одного графомана, Цветаева пишет пламенную статью «Поэт — альпинист», где восхваляет литературное ничто.

Согласно героическому канону,

жизнь поэта должна протекать в нищете и лишениях, и Марина Ивановна всячески поддерживает и развивает в своих письмах миф о нищете. Я был во Франции, в Медоне, и видел ту великолепную виллу, где Цветаева жила в мифической нищете, совершая окрестные путешествия с поэтом-альпинистом, в которого страстно влюбилась. В этот счастливейший и благополучный период парижской жизни она все время жалуется в письмах, что ей не заплатили, недоплатили, что не хватает денег на то и на это. Так Пушкин, ведя сверхроскошный образ жизни, остался должен императору 50 тысяч, а потомкам внушил-таки мысль о своей нищете. Романтический стереотип, в который сами поэты верили. Да кто из нас не хотел бы пожить в той нищете где-нибудь в Париже или привилегированном пригороде в Медоне? Както поэт Бонифаций пошутил, перефразируя Пастернака, адресата Цветаевой: «Цель творчества — самоотдача и перedelкинская дача». Это всего лишь шутка, но она развеивает навязчивый стереотип, что русский гений обязательно должен прозябать в нищете. Нищету настоящую Цветаева узнала, когда, вернувшись в воюющий Советский Союз, не могла устроиться в Казани даже уборщицей. И никто-никто не мог ей помочь. Однако она была слишком сильной личностью, чтобы из-за этого повеситься в эвакуации, похожей на ссылку. В лагерях и тюрьмах, где томились ее муж и ее сестра, было куда страшнее и тяжелее. Самоубийство Цветаевой — это еще и комментарий к ее гениальным строкам: «Послушайте, еще меня любите, за то, что я умру».

Как все настоящие поэты, Цветаева в своих стихах больше самой себя. «Отказываюсь жить в бедламe нелюдей» — это ведь не предсмертная записка, а вполне прижизненные стихи. То, что в стихах поэзия, в жизни проза, и притом весьма приземленная. Марина Ивановна инсценировала свой поэтический отказ от жизни самой жизнью, вернее смертью. Но стихи все равно сильнее.

Возможно, что в Елабуге ослабла вера в поэзию. Ведь поэты тоже люди и вовсе не из железа. Даже Христос усомнился и смутился духом перед арестом в Гефсиманском саду. Интуиция подсказывает, что чисто по-человечески Цветаева могла все перебороть, выжить и дожить до более светлых времен, как Анастасия. Однако выживание вовсе не входило в ее поэтическую программу. Она могла только жить, требуя от всех окружающих обожания и любви. Ее способность влюбляться и влюблять в себя мужчин и женщин даже по переписке поистине удивительна. Эпистолярный роман с дальней родственницей Натальей Гайдукевич — шедевр такого почтового любовного воркования. Она уже почти охмурила своего адресата, но у той вовремя сработал инстинкт самосохранения, и поездка в Париж, которой так требовала Цветаева, не состоялась. И Бог с ней. Не в поездке дело, а в письмах.

Марина Цветаева жила на редкость полнокровной, насыщенной и переполненной жизнью. Она была настолько счастлива в браке и в бесконечных романах со всеми, даже с собственным сыном, что часто радость принимала за горе, а любовь за ненависть. Крайности сходятся, а она вся из крайностей. Обаятельная, умная, сверхталантливая, любвеобильная поэтесса так привыкла покорять всех и вся, что не могла смириться даже с временным поражением. Ведь в конечном итоге она все-таки очаровала и Советский Союз, и нынешнюю Россию. При жизни или после смерти, это уже не поэтическая дилемма.

2